

Некоторые психологические вопросы проблематики социокультурных норм

Источник: Вопросы психологии. 1990. № 5. С. 112–119.

Среди серьезнейших проблем, которые в настоящее время беспокоят нашу общественность, особое место занимает рост преступности среди молодежи и распространение таких форм, как паразитический образ жизни, насилие и разбой, проституция и наркомания. В широкой прессе работники правоохранительных органов, юристы, социологи и родители со своих позиций стремятся раскрыть многообразные факторы, оказывающие отрицательное влияние на подрастающее поколение; с полным основанием социологи говорят о том, что молодежь чутко улавливает и остро реагирует на все негативные социальные процессы — дестабилизацию в экономической и политической сферах, имущественное расслоение общества, произвольные решения и безнаказанность. В выступлениях юристов подчеркивается наличие серьезных пробелов в самом законодательстве, существование деформаций во взаимоотношениях между законом и властью, применение в практике судопроизводства устаревших и даже скомпрометировавших себя приемов и пр. Несомненно, адекватное понимание антиобщественных действий и поступков предполагает также раскрытие психологических аспектов проблемы преступности и, следовательно, в борьбу с ней, наряду с названными специалистами, должны включиться и психологи; их участие, однако, в этом деле будет эффективным при условии, что они смогут привнести дополнительное знание о сущности правонарушения, добытое в результате решения специфических психологических задач.

Различные виды преступности суть нарушения тех или иных социально-культурных норм; это, в сущности, тавтологическое утверждение конкретизирует предмет изучения и подчеркивает важность выяснения психологических факторов соблюдения норм. И не случайно на протяжении веков делались попытки ввести нормы в психологический контекст путем их увязки с используемыми в психологии и смежных с ней науках категориями.

В первую очередь следует отметить тенденцию поставить нормы в один ряд с естественными объективными закономерностями, например у Аристотеля, Канта и др. (см. [6; т. III; 10], [3; 33]), саморегулирующимися и самоуправляемыми системами (см. [10; 74, 78, 84]), алгоритмами передачи генетической информации (см. [15; 27]). Такая тенденция, вероятно, продиктована стремлением приравнять нормы к имманентным и непреложно действующим сущностям, однако чисто концептуальное включение норм в гетерогенную для них категорию едва ли усилит их обязывающий характер. Представляется также неправомерным отождествление норм с мотивами, подобно тому как нельзя отождествлять регулирующее устройство с энергетическим зарядом или правила уличного движения с намеченными водителем маршрутами. Наконец, несмотря на то, что внедрение норм является растянутым во времени процессом, а их реализация часто совершается автоматически, было бы недозволенным упрощением сводить внедрение норм к выработке простых навыков и привычек: они не вводятся в пустое пространство и не

ложатся на *tabula rasa*, а, как покажем, вступают в определенное взаимодействие с мотивационным ядром личности. Призванные содействовать сохранению культурных и общественных завоеваний человечества, а также обеспечить выполнение индивидуумами и сообществами общечеловеческих, гражданских, семейных и других обязанностей, нормы формулируют долговременные (иногда на всю жизнь) [112] требования, происхождение, содержание и назначение которых изучается общественными, гуманитарными науками: этнографией, культурологией, правоведением, этикой, эстетикой и др. Если бы психология занималась указанными аспектами норм, она бы поневоле повторяла наработанный названными дисциплинами солидный материал и потеряла собственное направление исследования. Рассматривая субъектность в качестве специфической особенности психического [8], мы считаем, что существенным психологическим аспектом обширной проблематики социокультурных норм является *отношение к ним субъекта*. (Настойчиво подчеркиваем, что, ограничиваясь здесь данным аспектом, мы отнюдь не склонны сводить к нему все психологические вопросы, связанные с функционированием норм.) А отношение субъекта к нормам определяется, естественно, как их содержанием, так и внутренним складом самого субъекта: его общей направленностью, интересами, склонностями, ценностными представлениями. Рассмотрим, какие отношения субъекта к нормам принципиально возможны и фактически существуют.

Прежде всего, есть серьезные основания для положительного отношения субъекта к нормам. Выражаемые ими требования в условиях демократии адресованы всем представителям той или иной популяции, благодаря чему обеспечивается определенное равенство индивидуумов в разных сферах общественной жизни. Нормы, далее, служат своеобразным щитом, ограждая субъекта от несправедливых посягательств на его достоинство и гражданские права. Будучи гарантом порядка и стабильности, нормы вселяют чувства уверенности и безопасности. Разумеется, по-иному дело обстоит при деспотических и сословных укладах, однако и в этом случае нормы также служат «выравнивающим» средством, пусть только в пределах отдельных слоев населения.

Другой особенностью норм, вызывающей к ним положительное отношение, является устанавливаемая ими определенность действий и поступков человека и целых групп, что дает возможность в значительной мере прогнозировать их поведение и выбирать себе в партнеры людей, соблюдающих нормы общежития и «правила честной игры». Более того, нормы выступают четкими ориентирами и советчиками, образцами и стандартами, качественными и количественными критериями. Имея в виду такие функции норм, человек охотно им подчиняется — в уверенности, что они подскажут правильное решение и способы выполнения его, позицию, которую надо занять в конкретной жизненной ситуации, и мнение, которого следует придерживаться. В этом смысле нормы значительно упрощают и облегчают жизнь¹. Наличие признанных норм нередко используется для оправдания тех или иных поступков [3; 115] — перед другими и даже перед самим собой. К нормам в качестве аргументов прибегают в спорах семейных, деловых, производственных и на более высоких уровнях.

Притягательная сила норм увеличивается осознанием их непосредственной значимости для субъекта. И этим, очевидно, объясняется скрупулезное соблюде-

¹ Всеобщее понимание и одобрение этой функции норм получило выражение в таком лингвистическом факте: в настоящее время в обиходной речи слово «нормальный» употребляется как универсальный эпитет для обозначения почти любого *положительного* качества (см. подробнее [9; 104]).

ние не только норм, связанных с исполнением высшего человеческого долга (защита отечества, забота о детях), но и так называемых личностных норм, создаваемых самим субъектом на протяжении жизни; к ним относятся принципы взаимоотношений с конкретными людьми, правила оздоровления своего организма, собственный «кодекс чести», а также разнообразные «обеты» и «зароки», навязчивые процедуры, возникающие на почве суеверий и невротических состояний, фобий (психоаналитическая литература изобилует такими примерами).

Таким образом, протективная (защитная) и инструктивная (наставительная) функции норм вызывают к ним благосклонность субъекта, усиливаемую осознанием их важности для личности и их общественной ценности (недаром [113] ряд авторов говорят о прямой связи норм и ценностей [3; 50], [5; 105], [10; 68, 39, 45], предельно сближает эти реалии польский социолог Оссовска [18; 15, 205, 207, 265], а американские психологи Блейк и Девис употребляют термины «норма» и «ценность» в качестве синонимов [13; 458, 461]). Какие же фактора обуславливают отрицательное отношение к нормам?

Всякий закон либо приказывает, либо запрещает — это с полным правом можно сказать и о нормах, которые поэтому представлены в виде повелительных и отрицательных предложений. Таков весь массив разнообразнейших норм — от библейских заповедей, составивших основы общечеловеческой нравственности («чти отца и мать», «не сотвори себе кумира», «не убий», «не укради», «не прелюбодействуй», «не лжесвидетельствуй», «не завидуй»), до современных норм поведения, предъявляемых школьникам («обращайся вежливо к старшим», «не порти школьного имущества»), рабочим («выполнять ежедневное задание», «не нарушать правил безопасности»), пассажирам («не курить в транспорте», «не повреждать оборудование»), авторам («сдать рукопись в срок», «не превышать установленный объем книг и статей»), туристам («не фотографировать такие объекты», «не собирать цветов для гербария») и т. д. Выполнение же любых требований, формулируемых нормами, предполагает готовность субъекта подчиниться и поступиться чем-либо, конкретнее — пожертвовать своим покоем, удобствами и безмятежным состоянием, устоять перед искушением добиться быстрой нетрудовой наживы и незаслуженных успехов, отказаться от легкодостижимых материальных благ и социальных преимуществ, умерить свои потребности, значительно ограничить проявление своих влечений (эротических, агрессивных, честолюбивых), а то и вовсе их приглушить, воздержаться от ряда естественных реакций и стремлений (обиды, самовыражения). Воспользуемся для обозначения описанного внутреннего условия соблюдения норм термином *«резигнация»*, образованного от глаголов (в английском языке *resign*, во французском *resigner*), органически соединяющих в себе значения: уступать, подчиняться, примиряться, покоряться и отказываться.

Необходимость резигнации может, естественно, породить весьма негативное отношение к нормам, затрудняющее их усвоение. Хорошо известно, как дети и подростки противятся выполнению требований ряда культурных норм, воспринимая такие требования как ущемление свобод и угнетение личности (разумеется, испытывая в связи с предписываемыми им нормами поведения неудовольствие, дети и подростки для его выражения отнюдь не прибегают к применяемой здесь профессиональной терминологии). Да и взрослые часто усматривают в нормах насилие над собой и навязывание чужой воли², что препятствует резигнации, а в итоге приводит к несоблюдению норм и совершению проступков.

² Насколько справедливо такое мнение — вопрос, который выходит далеко за рамки психологии. Он ставился выдающимися мыслителями и моралистами, наиболее остро Руссо и Львом Толстым.

Обществу понадобились специальные меры по содействию резигнации, для чего в самые древние исторические эпохи наиболее подходящим считалось привлечение «сверхъестественных» сил; таковы функции табу в дорелигиозных верованиях и внушаемого всеми религиями страха перед совершением греха. Характерно, однако, что угрозы со стороны мифических существ (вечные муки в потустороннем мире) неизменно подкреплялись столь же суровым земным покаранием³. [114]

Во всех общественных формациях практикуются и другие способы, призванные поддерживать резигнацию. С этой целью нормы освящаются традицией («так всегда поступали наши предки»), подкрепляются авторитарно («такое одобряется теми, кому мы подчинены»), рационалистически интерпретируются («они согласуются с правилами логики и в них заложены принципы порядка, гармонии, пропорции, «золотой середины», уравниваемости»), объявляются универсально целесообразными и полезными («они содействуют благу всех и каждого»), признаются натуральными и согласующимися с естественными предрасположениями («так велит сама природа»), наделяются престижностью («быть на должном уровне»). В свете сказанного вполне понятно, что несоблюдение норм расценивается — соответственно приведенным основаниям — либо как вызов почитаемому укладу, что заслуживает всеобщее осуждение, либо как ослушание и неповиновение, искореняемые строгим наказанием, либо как дефицит интеллекта, достойный осмеяния, либо как пренебрежение своими и общественными интересами, приводящее к отчуждению, либо как наличие врожденных аномалий, препятствующих полноценному общению и взаимодействию, либо, наконец, как чрезмерная приземленность, бескрылость, безразличие к прогрессу, тождественные отсталости и консерватизму. Вот почему в тех случаях, когда субъекту, нарушившему нормы, удастся избежать непосредственной реализации санкций, он все равно нередко на себе испытывает их действительность, переживая широкую гамму болезненных эмоций — боязнь возмездия, чувства вины, стыда, сожаления, раскаяния, неполноценности и угрызения совести. Перечисленные общественные санкции вместе с порождаемыми ими мучительными эмоциями в значительной степени обеспечивают резигнацию, но отнюдь не полностью: в самом деле, хотя основная масса человечества соблюдает нормы, вся художественная и мемуарная литература показывает и оборотную сторону медали — обход законов и супружескую неверность, аферы и жульнические проделки, обман и коварство, которые составляют ведущие сюжеты не только авантюристических, альковных и детективных жанров, но и строго реалистических и даже благочестивых произведений, включая и «Ветхий завет» (нормы поведения нарушали все библейские цари, кроме одного, выдающиеся личности и даже пророки, не говоря о «простых смертных»).

Можно ли в действительности добиться требуемой резигнации, конкретнее, всегда ли удастся субъекту овладеть мощными импульсами и в состоянии ли он пренебречь жизненно важными потребностями? Польский социолог Оссовска, например, называет «голос Эроса» среди факторов, влекущих за собой преступ-

стым. В своей поздней книге «Беспокойство в культуре» Фрейд трактовал последнюю как силу, подавляющую природную сущность человека.

³ Следует сказать еще об одной сущностной связи между соблюдением норм и религией; удвоение ею реальности с перенесением акцента с земных дел на «небесные», а также проповедь отрешения от мирских радостей и утех создает благодатную почву для резигнации, которая, правда, иногда принимает гипертрофированные — аскетические формы, например, celibat (безразличие: избегание прелюбодеяния доводится до абсурдной крайности) и вегетарианство (заповедь «не убий» распространяется на все животное царство) Это обстоятельство и дает повод верующим видеть в религии наиболее верное средство очищения нравов и облагораживания людского рода.

ность [18; 36–37], еще менее поддается резигнации голод. Известны, правда, и факты резигнации в высшей степени — самоотречение и самопожертвование, сопоставимые с подвижничеством и героизмом, которые требуются, впрочем, для соблюдения элементарных норм порядочности в условиях деспотизма (см. [18; 84]) и в экстремальных ситуациях, скажем, при стихийном бедствии и всеобщих лишениях, в присутствии распоясавшихся хулиганов и пр.

Помимо необходимости резигнации, существенным фактором негативного отношения к тем или иным нормам может служить их несоответствие актуальным условиям. Речь идет об устаревших нормах⁴, которые, будучи в момент их введения рациональными, с течением времени утратили смысл, а также с самого начала бессмысленных и основанных на предрассудках (скажем, общественно-политические нормы чрезмерной секретности и всеобщей подозрительности, повышенной формализации в официальных отношениях и многоступенчатой системы проверок или такие общественно-бытовые нормы, как [115] недопустимость бракосочетания с «иногородцами» и «иноверцами», запрет употреблять в пищу безобидные и даже полезные продукты).

Множество удачных и правильных в конкретных условиях способов решения житейских, политических, научных и художественных задач часто воздвигается в ранг непреложных норм, которые в других условиях становятся тормозом прогресса. А это, естественно, приводит к отрицательному отношению к таким нормам. Осуществляемая в нашей стране перестройка отмечает многие характерные для административно-командной системы нормы: авторитарность и произвол решений высшего руководства, категоричность его суждений, полное подчинение личного общественному, недопущение инакомыслия и плюрализма мнений. Преодолеваются в настоящее время созданные под влиянием названных норм и аналогичные нормы в народном хозяйстве, идеологии, искусства, науке (в гуманитарных науках долгое время такими непреложными нормами имплицитно признавались ссылки на классиков и использование цитат из их произведений в качестве наиболее убедительных аргументов, подгонка конкретных результатов под легализованные концепции, даже внешняя структура научных произведений должна была соответствовать утвердившейся схеме).

Важно, однако, подчеркнуть, что нерелевантность ряда норм имеет более глубокие основания, нежели общественно-политические деформации. История культуры свидетельствует о закономерной связи открытия новых прогрессивных путей с преодолением пользовавшихся пиететом норм — в виде правил и стилей, канонов и образцов — и что любая успешная творческая деятельность, как и развитие науки и искусства в целом, прямо зависит от снятия ограничений, установленных на более ранних их стадиях. Прослеживая эволюцию некоторых видов искусства во Франции, Рошблав, в частности, показывает, каких трудов стоило Пуссену устоять против академических норм живописи, в затем Ватто творить вопреки нормам, введенным уже Пуссеном (см. [19; 41, 150–151]). И в этом смысле становится понятным, почему Э. Делакруа определял гения как человека, «опрокидывающего нагромождение избитых и бесплодных доктрин» [6, т. III; 552], а Стендаль утверждал, что «писателю нужно почти столько же храбрости, сколько и воину» [6, т. III, 628]. Большим достоинством современного ему русского искусства В. В. Стасов считал его «полную самостоятельность», независимость от

⁴ В эпитет «устаревшие» мы не вкладываем хронологический параметр — немало очень древних бытовых норм в виде обычаев и «этнических стереотипов» (не говоря уже о принципах морали) продолжают сохранять свою актуальность как факторы, создающие атмосферу уюта, доверия человеческого тепла (см. [2; 154–178, 179–202]).

провозглашаемых разными школами норм: «художник не хотел более заботиться о том, что думали, говорили и делали его предшественники» [6, т. IV, 655]. Важной предпосылкой творческого проектирования всевозможных промышленных изделий служит отрыв от общепризнанных норм технического и технологического решения (см. [17; 227–229]). Подлинно созидательному подходу всегда противопоставлялись подражательность и рабское следование чужим нормам — и отсюда особая «боязнь повторяться», быть эпигоном (этим проблемам посвящено специальное исследование [14]) и стремление творческой личности не только создавать что-либо свое, новое, но и вырабатывать свои нормы, правила. Такая позиция получила выражение в афоризме Джордано Бруно: существует столько верных правил, сколько имеется настоящих художников. В таком же духе высказывались многие эстетики, а современный историк науки Тульмин, сравнив поисковые пути ряда ученых-классиков, пришел к выводу, что каждый из них неявно устанавливал *собственные* нормы требовательности, убедительности и совершенства [21]. За всеми этими утверждениями проглядывает творческая норма более высокого порядка, если можно так выразиться, метанорма — отказ от чужих норм. Попутно отметим, что в свое время на основе экспериментального исследования и анализа данных многих авторов мы выдвинули предположение о внутренней закономерности продуктивной умственной деятельности — анаксиоматизации (обесценивание всевозможных психических реалий: информации, способов и правил выполнения задания и др.) как существенной предпосылки создания нового [7].

Разумеется, оправданность и даже целесообразность отбрасывания некоторых норм нельзя распространять на весь их массив, однако если субъект, как правило, хорошо различает *содержание* норм, то свое *отношение* к ним нередко обобщает. Опыт показывает, что фактическая дозволенность нарушения некоторых норм дает нередко повод допускать снижение строгости в отношении к другим. Склонность к подобной генерализации издавна учитывается в правоохранительном законодательстве, не признающем деления норм на более или менее обязательные и требующем неукоснительного соблюдения неодинаковых с точки зрения общественной значимости статей и пунктов гражданского и уголовного кодекса, — малейшие поправки и послабления относительно одних норм могут быть истолкованы расширительно: как разрешение не соблюдать и другие нормы. Более того, поскольку с отвержением норм нередко связано представление о прогрессивных тенденциях и творческом подходе, нацеленность на несоблюдение норм может показаться даже чем-то престижным. Об этом свидетельствует бытующий среди некоторой части молодежи псевдоромантический взгляд на нарушителя норм как на яркую личность, бросающую смелый вызов трусливой обывательской массе или чиновничье-бюрократической прослойке. А отступление девиц от сугубо женских норм поведения придает им в глазах отдельных мужчин особый шарм.

В реальной жизни равно неприемлемы обе крайности — с одной стороны, абсолютизация любых норм, противостоящая стремлению упразднить нерелевантные, а с другой — возникающее на почве такого стремления посягательство на нормы, не подлежащие ревизии. В заключительной части статьи выскажем соображение о возможном решении этой дилеммы.

Особый разновидностью рассматриваемых отношений можно считать *выбор* субъектом норм, которыми он предпочитает руководствоваться. Такое утверждение может показаться парадоксальным — ведь сами нормы призваны управлять поведением человека, в том числе и совершаемым им выбором; однако их многочисленность при различной направленности содержания открывает возможность

отбора субъектом тех, которые, по его мнению, более соответствуют актуальным потребностям. Да и сама действительность нередко вынуждает или дает повод пренебрегать некоторыми нормами, представляющимися при конкретных обстоятельствах неуместными: скажем, застигнутые в ночное время пожаром люди не заботятся о соблюдении норм благопристойного внешнего вида, а при столкновении с внезапно возникшими неприятностями кое-кто считает допустимым забвение норм культурной речи.

В ситуации вынужденного выбора оказываются люди и при необходимости синхронного соблюдения разнонаправленных и несовместимых норм. Как известно, задачей особой дисциплины — так называемой деонтической логики — является устранение всевозможных несогласованностей в плоскости правовых уложений (см. [5]). «Столкновения» конфликтующих норм, однако, имеют место как в одной, так и в нескольких культурных «плоскостях»; так, *эстетическая* норма лаконичности может вступить в противоречие с другой эстетической же нормой ясности, понятности (предполагающих пространную экспликацию), но может столкнуться и с *этической* нормой, трактующей предельную краткость в общении как недостаточное уважение. Подобная ситуация вынужденного выбора среди одновременно действующих несогласуемых норм невольно приводит к отказу от признания их равнопорядковости и предпочтению только одной-двух из них. На подобную ситуацию в свое время обратил внимание Энгельс, который, советуя Лассалю в пьесе «Франц фон Зиккинген» «сделать диалог быстрым и живым», сознавал, что «идейное содержание, конечно, должно при этом пострадать, но это неизбежно» [1, 492]. В своей практической деятельности дизайнер, ориентирующийся на долговечность, эстетичность, комфортабельность, удобство, экономичность как на нормы совершенства проектирует им изделий, обычно должен довольствоваться возможностью соблюдения не более двух-трех норм (см. [17; 8, 151]).

В отличие от вынужденного выбора норм, ставящего человека в затруднительное положение, преднамеренный их выбор рассчитан на получение субъектом определенных преимуществ. В самом деле, неукоснительное соблюдение специально выбранных и в чем-то действительно значимых норм может служить благовидным предлогом для того, чтобы не придерживаться других нежелательных норм, и внутренним оправданием такого поведения; например, на протяжении десятилетий во имя соблюдения норм поведения, с которыми связывались соображения государственной мудрости, исторической неотвратимости и просто благоразумия, отвергались нормы доброты, милосердия и порядочности, а приоритет норм, призванных обеспечить достижение перспективных целей, маскировал отступление от элементарных норм уважения к рядовому труженику с его земными нуждами (мы уже не говорим о тех случаях, когда люди, облеченные властью, сами устанавливали выгодные для себя нормы).

Подбор «подходящих» норм отнюдь не всегда является чем-то предосудительным; такая практика оправдана, в частности, как средство увидеть в любом индивидууме свои достоинства; так, оценивая вклад группы журналистов в успех общего дела, редактор ставит каждому из ее членов в заслугу приверженность какой-либо одной профессиональной норме (злободневность тематики, правдивость изображения, увлекательность сюжета, образность языка). На отношение субъекта к нормам влияет также форма их выражения. Они разнятся между собой прежде всего степенью обобщенности — от обширных по смыслу мудрых и немудрых поучений («твори всегда добро», «не теряй никогда надежды», «будь умеренным в своих желаниях», «иди своим путем», «лови минуты счастья и не отказывайся

от любых радостей», «смотри- на жизнь как на игру и ничего не принимай всерьез») до однозначных правил и инструкций. Известный антрополог Р. Бенедикт обратила внимание на то, что только благодаря большой гибкости культурных норм сохраняется их сила, поскольку они должны быть приемлемы для целых популяций, состоящих из людей с разными характерами и темпераментами (см. [12; 234–235]). Вместе с тем слишком общие формулировки даже достойных норм таят в себе опасность превратного толкования их изначального смысла; так, норма «следовать своим путем» может быть понята не только как независимость от филистерского «компактного большинства» (пьеса Ибсена «Враг народа»), но и как апофеоз эгоцентризма и высокомерия.

Альтернативной к вербализованным нормам является совокупность имплицитных норм, которые не получают специального словесного выражения и, как высказался А. Эйнштейн, даже «не замечаются», хотя роль их можно сравнить с «господствующим тираном» [11; 555]. Таковыми являются негласные уложения светского этикета (не замечать чужую неловкость и физические недостатки, не касаться определенных вопросов, не называть многие вещи своими именами, не смеяться над глупостью, высказываемой почтенными людьми), свод правил начинающего ученого (не возражать своему руководителю, не «похлопывать по плечу классиков», в меру блистать эрудицией, не писать кратко и многое другое, собранное в книгах «Физики шутят»). Хотя подобные нормы, как отмечает М. И. Бобнева, многими правильно усваиваются и исполняются (см. [3; 119]), есть некоторый контингент людей, которые не догадываются об их существовании, вследствие чего и попадают впросак.

Подводя итог рассмотрению отношения субъекта к социокультурным нормам, можно сказать, что оно неоднозначно, противоречиво и зависит от ряда факторов, которые следует учитывать в воспитательном процессе. Первоочередное внимание надо уделить такому важному (как мы стремились показать) фактору, как резигнация, а это означает, что внедрение норм и их упрочение должно быть не самодовлеющим, автономным педагогическим мероприятием, [119] а проводиться в общем контексте формирования мотивационно-волевой сферы личности с особым акцентом на необходимости самоограничения влечений и отказа от тех или иных желаний, разумеется, при избегании уродливых крайностей (специальную тему исследования составит проблема рациональных границ резигнации, которая еще сама должна занять свое место в проблематике потребностей и воли, в настоящее время, как правило, не увязывающихся в психологической литературе с вопросами соблюдения социокультурных норм). Ознакомление учащихся с основами законодательства не должно ограничиваться, как это обычно делается, показом грозных сторон норм: предъявляемых ими требований и мер наказания за их нарушение; столь же важно в ходе «юридического всеобуча» раскрывать все моменты, порождающие к ним положительное отношение, в том числе — их непосредственную значимость для конкретного человека.

Учитывая возможность нивелирования отношения к неравноценным нормам, что приводит, с одной стороны, к бездумному выполнению требований, нелепых с самого начала или потерявших смысл в изменившихся условиях, а с другой — к пренебрежению незыблемыми моральными принципами, необходимо при обсуждении таких вопросов (скажем, при разбирательстве конкретных проступков) четко *дифференцировать* различные категории норм, их значимость и степень обязательности. Такая дифференциация существенна и в тех случаях, когда субъект, будучи не в состоянии одновременно соблюсти несколько противоречивых норм, вынужден отдать предпочтение одной из них. Поскольку выбор норм может быть

использован в целях камуфляжа уклонения от соблюдения нежелательных норм, они должны внедряться вместе с установкой на постоянную рефлексивную оценку своего отношения к ним («честно ли выбираю нормы?», «не поддаюсь ли искушению использовать свой выбор в корыстных целях?»).

Множество норм усваивается в дошкольные и школьные годы, а это иногда определяет к ним со стороны взрослого пренебрежительное отношение, между тем как официальные напоминания о них (скажем, входящие и у нас в практику «воскресные проповеди») представляются чем-то формальным, а то и комическим; в этой связи выдвигается проблема «подкрепления» забываемых норм.

В заключение отметим, что данные, полученные в результате рассмотрения психологического аспекта проблемы соблюдения социокультурных норм, должны быть учтены и в законодательной практике: представляется целесообразным участие психологов в органах, разрабатывающих такие нормы, с целью определения реальной возможности соблюдения отдельных норм и их совокупности.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 1962. Т. 29.
2. Байбурин А. К. / Ред. Этнические стереотипы поведения. Л., 1985.
3. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
4. Вересаев В. В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1961.
5. Ивин А. А. Логика норм. М., 1973. 123 с.
6. История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли. Т. II М., 1964. Т. III. М., 1967. Т. IV. Первый полутом. М., 1969.
7. Розет И. М. Психология фантазии. Минск, 1977.
8. Розов А. И. Соображения рядового психолога // Вопр. философ. 1953. № 3.
9. Розов А. И. Речевая деятельность как преодоление конфликтной ситуации // Вопр. психол. 1987. № 6.
10. Чавчавадзе Н. З. Культура и ценности. Тбилиси, 1984.
11. Эйништейн А. Собрание научных трудов. Т. IV. М., 1967.
12. Benedict R. Patterns of culture. N. Y., 1955.
13. Blake I., Davis K. Norms, values and sanctions // Paris E. L. (ed.) Handbook of modern sociology. Chicago, 1964. P. 456–484.
14. Bloom H. The anxiety of influence. A theory of poetry. N. Y., 1973.
15. Czerwinski M. Kultura i jej badanie. Wrocław, 1985.
16. Gilbert K., Kuhn H. A history of aesthetics. N. Y., 1939.
17. Lucie-Smith E. A history of industrial design. Oxford, 1983.
18. Ossowska M. Sociologia moralności. Warszawa, 1986.
19. Rocheblave S. Le gout en France. Paris, 1914.
20. Tatarkiewicz W. O szczęściu. Warszawa, 1970.
21. Toulmin S. E. The use of argument. Cambridge, 1958. [119]